

Безвестная рота.

Посвящается воинам – кто не
жалел живота своего...

Пишу со слов моего деда, мне так проще, от его имени. Хотя немного предыстории. И простите, если предыстория будет ненамного более длинной чем, сама история про моего героического, безо всякого подвоха дедку.

Дедка мой был изрядный выпивоха, но не запивался, хозяйство имел и от работы не бежал. Жинка, то есть моя бабка, была крупной, могутной женщиной. Дедке будучи выпивши, не раз приходилось «летать» по дому, если она была не в настроении, хотя со слов моей матушки он в свое время был неслабый боец, и несмотря на свою щуплость, более здоровые дядьки его побаивались. Злило ее то, что если он кого в гости приводил, и в голодное послевоенное время и по сию пору, на стол выкладывал все, что имелось в доме. Я его очень любил, хотя в свою очередь он больше любил моего двоюродного брата, его внука. Лешка был тем, кому он прощал все, но это ко мне не относилось, я пахал как все, если не больше. Я сначала обижался, потом привык, затем простил ему все мои детские обиды. Была у него одна чужинка, помнил войну не сначала, да и что было до - не помнил. Помнил, как выходил из окружения, как партизанил, как слыл мастером глубоких диверсионных рейдов. О себе знал лишь все то, что значилось в военном билете, а про себя не помнил, где родился, где крестился, где его родина и его родители. За что и отсидел десять лет после окончания войны. Война для него закончилась на подступах к Харбину, японский снайпер-смертник проломил своей пулей ключицу и вырвал клочок лопатки с мясом. В госпитале имел неосторожность проговориться, что начала войны не помнит. Расслабился, ведь война-то закончилась. Было короткое следствие, суд и срок. Повезло, дали только десять лет лишения, без права переписки и с поражением в правах на пять лет после освобождения. На то, что без права переписки не обиделся, писать было некому, не помнил, и на поражения в правах было плевать, а за срок обиделся. Обиделся серьезно, замкнулся, ведь воевал, как помнится не хуже других, смерти не то, что боялся, опасался, но в атаку ходил исправно, за спины не прятался. Там в колонии под конец срока и нашел свою суженую, она была красива и слыла крутой, ничего не боящейся конвойной.

Мужа-сибиряка у нее убило под Москвой, когда он шел в свою первую и последнюю атаку на этой войне, а в тридцать девятом году, под командованием командарма Жукова, он был одним из первых солдат, которые были награждены орденом Красной Звезды, во встречном бою со связкой гранат упал под танк и подорвал его.

Храня верность ему, она ни шаг не подпускала к себе никого, и презрительное отношение к сидельцам не скрывала. Все они были для нее врагами родины, ведь в том числе и за них положил свою жизнь на алтарь победы ее единственный. Что подвигло ее обратить на моего будущего дедку внимание, мне неизвестно, хотя поговаривали, что он был очень похож на ее бывшего мужа, а может и то, что он действительно слыл крутым характером, и прошлого своего не

стыдился. А лишь ругался, что всякие тыловики не нюхавшие пороха и ни разу не ходившие в атаку судили его – боевого старшину пехоты.

Но речь в принципе не об этом.

Однажды он приехал ко мне в гости в город, это было не раз, и я как должное принял деревенские подарки: мясо, сметанку, молоко и прочие крестьянские вкусности. Мы с ним приговорили поллитровочку и от следующего предложения я отказался, на что дедка обиделся, сам пошел и взял еще одну. Поскольку компании не было, он во дворе и предложил нашему соседу, прогуливавшемуся во дворе, смочить горло, сосед выпить был тоже не дурак, так они вдвоем под банку огурцов, дымок сигарет и оприходовали ее – родимую. За разговором они решили прогуляться по улице, вспомнить былое. Было достаточно темно, но беседой они ушагали далековато, по дороге дед поинтересовался, почему не горит вечный огонь перед памятником воину, бронзовая звезда одиноко тускнела перед ним. Сосед усмехнулся с горчинкой, газ-то ноне стал чей-то, вот он и не хочет жечь его впустую. У деда случилась вспышка гнева, негромко говорить и шепотом кричать он научился в лагере, и он по привычке сжег его внутри. Возвращаясь назад он заметил, что около той же злополучной звезды, отвергнутой равнодушием администрации города и теми, кто забыл, что когда-то силами народа, в том числе отцов их и дедов, получилась грандиозная победа, крутились несколько мужиков с инструментами. Дед, проходя мимо, обратил внимание на то, что они активно ее передвигают в автомашине стоявшей рядом. На вопрос дедки, что они делают, один из них посоветовал, не соваться и двигаться тем же маршрутом, что и шел. Дед, может быть так бы и сделал, все-таки был законопослушным гражданином, в его время приходилось работать и по ночам. Но короткая реплика одного из них, через шустрого, почти мельтешащего мужичка: «Чего дед встал, как истукан?» – и он кивнул на статую воина с перевязанной головой, который, почти роняя из левой руки винтовку, другой в последнем усилии метал, очевидно, последнюю гранату, надпись ниже гласила «Защитнику Бреста», - «Может, поможешь загрузить, вишь сколько цветмета пропадает. А мы тебе сто грамм нальем», - и коротко хохотнул. Дед кинулся на них, стремясь отогнать их от звезды, но не рассчитал свои скромные силы, да еще и выпитое спиртное подвело. Один из них ленивым замахом свободной руки опрокинул деда на землю, простите, ошибся, на бетонный постамент памятника. Дед дернулся разок и затих. Сосед, струхнув, подался назад и когда удалился на приличное расстояние побежал ко мне. От волнения я не долго мог попасть рукой в рукав куртки, так и выскочил вслед за соседом. Дед лежал без движения рядом с брошенной впопыхах бронзовой звездой. Я проклял себя, почему не согласился выпить с ним ту вторую поллитровочку, и не было бы ничего, посапывал бы он на диванчике в зале.

Я вызвал скорую, милицию, подложил ему под голову свернутую в рулон куртку и в отчаянии метался около деда, в ожидании чуда от медиков, и восторжествования правосудия от милиции. Скорая на удивление приехала быстро, успокоила меня, что он жив, но положение серьезное. Я попросился с ними. В больнице его увезли на каталке в операционную. От отчаяния я сдурил и позвонил бабке, та кинулась в рев, я прокляв себя за дурацкий поступок, попытался успокоить ее, что все будет хорошо, но впервые услышал от нее такое

трехэтажное отступление от общепринятой лексики, что поперхнулся и замолк. Далее рассказывать нет смысла, поэтому я опускаю все, что связано с медицинскими хлопотами.

Однажды ухаживая за дедкой, я оказался рядом с ним в тот момент, когда он пришел в себя увидел меня, он долго смотрел на меня, потом бессильно поманил меня рукой и попросил наклониться к себе. Сначала я подумал, что это бред, но ясный, четкий шепоток, и некоторые обороты не совпадали с речью моего дедки, но выслушал это до конца. И привожу почти дословно.

- Молодой человек, почему вы не в форме? Которое сегодня число, бог с ним числом. Месяц какой? Сентябрь или начало октября? В каком нахожусь санбате? Вы врач? Так лечите меня, чтоб я был достаточно здоров, чтобы держать винтовку, автомат, пулемет.

Я растерянно смотрел на дедку и не узнавал его, его когда-то добрые любящие нас глаза, сейчас смотрели на меня молодо, льдисто и чувствовалась в них та командирская воля, которая способна отправить на выполнение приказа любого, а ослушавшегося расстрелять собственноручно.

- Дедка, ты что? Сейчас же на дворе 1995 год, война давно закончилась, фашистов вы разбили, победа состоялась девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

Неверию деда не было предела, как так случилось, что на дворе тысяча девятьсот девяносто пятый год. Ведь бой, в котором он участвовал, был совсем недавно, и сейчас ему двадцать шесть с хвостиком лет. Но когда я поднял и показал ему его руки, а затем вопреки воле докторов, приподнял его голову и показал ему его тело, я понял насколько крепкие были нервы у моего дедки, он не впал в истерику, а ведь у него отняли прожитую жизнь, а лишь немного передохнул, облизал губы и начал рассказ, который вернул часть прошлого моего дедки. Он так торопился, что не стал рассказывать о своей семье, детства, отрочества, юношества. Он начал с последнего боя, надеясь после рассказа о нем, вернуться в прошлое глубже.

* * *

Этот долгий выматывающий переход съедал все имеющиеся наши силы. Наша рота максимально облегченная от всего, что могло бы задержать наш переход, была освобождена. За кормой последней подводы не было ничего. Не было дополнительного фуража, не было кухни, не было ничего, что могло бы указывать на то, что это наш не последний переход.

Но, я-то это знаю, может, кто из более-менее опытных бойцов это понимал, но я-то знаю, ведь за моими плечами почти два с половиной месяца почти непрерывных боев, начиная с границы. У нас нет ничего, кроме суточного сухпая, и двух бидонов воды на все случаи жизни, люди верят, что мы должны выстоять и к нам прибудет подкрепление и это будет наш последний рубеж обороны, а дальше будет наступление до ворот Берлина. Но что у нас есть, это два бидона воды для кожухов охлаждения имеющихся в нашем распоряжении трех «Максимов», лошадям не достанется ничего. Мне их жаль, но война все спишет, хотя лошадям от этого не легче. Мне тяжелее, а в тоже время и легче, я знаю приказ, и я должен вверенными мне силами, то есть недоукомплектованной, наспех собранной ротой, из отступающих, выходящих из окружения бойцов, задержать

наступающие силы противника, какими бы они не были - на полусуток. Мои солдаты этого не знают. Не знают, что это будет их последний бой, не будет подкрепления, не будет огневого прикрытия, не будет ничего, кроме двух бидонов воды и имеющегося дополнительного неполного боекомплекта.

Идет 1941 год, середина сентября, на днях будет как год, как я отпраздновал свадьбу. Я пограничник, я не знаю, как мне удалось выбраться из окружения. Но сейчас я командир роты, недоукомплектованной, но все-таки роты. И моя задача опять держать границу, но не родины, а той линии, за которой сформируются, и развернутся те взводы, роты, батальоны и полки, которые не допустят, не должны допустить дальнейшее продвижение войск противника. Я не знаю, случится ли это, но в это верю, а то бы, зачем бы шел сейчас исполнять этот приказ, за которым уже приказа мне никто не сможет отдать, а если б и не верил, что из того, ведь я русский офицер и за мной Россия.

Но это так, мой душевный порыв и воинская дисциплина. И сейчас, и дальше приказы буду отдавать я. Я уже тогда, перед маршем, построил роту и выделил из ее состава тех, кто успел завоевать уважение среди воинского коллектива, и будет стрелять по тем, кто побежит, и будет последним, кто ляжет костями, что бы удержать любой ценой указанную мной границу. Позже они, выполнив мой приказ, положив около десятка паникеров и выждав атаку, решили, что трусов больше не будет, аккуратно перетекли в занимаемую нами оборону.

В организации этой обороны, последнего нашего рубежа, я постоянно нарушал устав, закона для военных, приказал рыть траншеи, устав обязывал рыть окопы, но опыт прожитых боев подсказывал, что следует рыть траншеи. Боец в траншее хоть и более подвержен огневому поражению, но имеет большое по сравнению этим преимущество, имеет чувство локтя соседа, что тот в случае чего прикроет его. В окопе во время даже легкого артобстрела он чувствует себя одиноким, не сорваться, не побежать обратно, нужно огромное мужество, поэтому наверно тогда было много паникеров. Нарушил устав еще и тем, что поставил заслон из своих же солдат, которые должны были, обязаны расстреливать тех, кто покинет окопы и побежит обратно в тыл.

К рубежу мы успели только к сумеркам, не давая бойцам отдохнуть, мною был отдан приказ, рыть траншеи, блиндаж копать я не разрешил, на что старшина удивился, ведь в первую очередь, должны окопать командира. Не разочаровывая его, объяснил ему, что траншеи на данный момент более необходимы.

К пяти утра полномасштабные траншеи были готовы, замаскированы, бойцы спали и лишь клевали носом, но не спали наблюдатели. Обход позиций поручил я себе, что-то глодало меня, неизвестное чувство тоски ощущения последнего дня держало в напряжении. Я не мог, просто не имел права спать, но не мог же я сказать солдатам, что они уже не жильцы на этом свете, и приказ на отход они никогда не получат.

Зарю я встречал с огромным наслаждением, багряно заалел восток, первые лучики ухватились, зацепились за проплывающие облака и спешили, торопились вытянуть солнце за собой, но оно не торопилось, словно сочувствовало мне, моим солдатам и давало возможность еще немного ощутить прелесть жизни, оглянуться кругом, вдохнуть аромат поля...

Но рокот моторов немецких бронетранспортеров и танков вернул все на места, был враг и были мы...

Колонна, состоящая из легких танков, бронетранспортеров и пехоты поднимая клубы пыли, шла по дороге мимо, мотоциклисты нас прозевали.

- Пока повезло, - шепот старшины, меня рассмешил, можно было бы говорить и в голос, но чувство опасности поневоле принижало порог громкости общения между собой, - батальон солдат, рота легких танков, это можно пережить, у нас четыре ПТР, и батарея сорокапятков, но через одну атаку, у них будет пехоты минимум по пять на каждого из нас.

За три неполных часа мы трижды выдержали атаку превосходящих сил противника. От роты осталось немногим меньше взвода солдат, почти все из оставшихся в живых были ранены, так или иначе. Но и фрицы потеряли больше полноценной роты солдат, горело пять танкеток и три бронемшины. Но у нас не осталось ни одной пушки, из четырех ПТР, в рабочем состоянии осталось одно.

Погибших мы уложили рядом, между нами, чтоб их каски тускнели рядом с нашими и их винтовки хотя и без боеприпасов, но все же грозно смотрели в сторону врага, что бы противник не думал, что нас так мало осталось.

Четвертая атака была самой страшной, немцы почти ворвались в наши окопы, и только чудо помогло нам отбросить их обратно.

Простите, я не изменник Родины, но приказ мною был не выполнен. Но не из-за моей трусости. Кто знал, что тот нечаянный фугасный снаряд, который упал по неизвестным законам физики на мою оборону, разнесет оставшиеся семь бойцов в куски вместе с политруком, который их собрал около себя с целью довести мой приказ: ни шагу назад. Что ж, приказ они выполнили, никто из них не сделал ни шагу назад. Задержать фрицев на положенные приказом полусутки мне не удалось, только на полдня.

Я не в счет, что может отделение, не может один воин, даже если он и офицер. В полдень, может и раньше я буду держать оборону за всю роту.

Ведь каким-то чудом я оказался жив.

Из произведенной мною ревизии имеющего вооружения и боеприпасов, обнадеживающего было мало, пулеметы были в непригодном состоянии. Рокот танкеток и строчки очередей пулеметов и автоматов подсказали мне, что поиски боекомплекта подошли к концу. Придется обойтись тем, что есть: два десятка патронов к мосинке, одна граната Ф-1 и два заряда к ПТР не могли спасти ситуации. Но, я советский командир и приказа к отступлению не получал. Я одел почти новую гимнастерку, которая валялась под разбитой подводой, знаки различия меня уже не волновали, не перед кем, главное она была достаточно чистой, чтобы принять в ней свой последний бой, с меня гимнастерку сорвало близким разрывом снаряда после второй атаки фрицев. Жаль, конечно, ведь на миру и смерть красна, ведь есть надежда, что кто-то уцелеет и расскажет правду о тебе, как ты погибал за родину. А тут получается безвестная рота.

Рокот танкеток неумолимо приближался, крупнокалиберные пули, рассерженно гудя, неустанно искали мое пока живое тело, пролетали надо мной, то и дело смачно втыкаясь в тела моих убитых солдат и они словно живые вздрагивали. Их сестрицы поменьше, с воем и визгом плясали свой смертельный хоровод вокруг меня, норовя обогнать, обскакать подружек постарше. Но

целоваться с ними не входило в мои планы. У меня еще было целых два бронебойных патрона для ПТР, при хорошем раскладе это две остановленные танкетки. Но я хочу хотя бы одну, а в придачу к ней, пару, тройку солдат и желательно еще офицера.

Со второго патрона я все же поджег ту самую нахальную танкетку, которая с самого начала боя попортила мне столько нервов, и стоила гибели многим моим бойцам, почти прямо перед окопом в пяти метрах. Перед этим я выцелил унтерофицера, последней гранатой подорвал двоих зазевавшихся гансов. А потом для меня наступила ночь.

И вот каким-то чудом я здесь, - горячий шепоток знакомого мне дедки и в то же время незнакомого человека со своей неизвестной жизнью участился, - со мной может всякое случиться, но видно души моих солдат не хотят пропадать без вести. Безвестная рота просит тебя найти ее и пока безымянных бойцов, восстановить имена и вернуть их родине. Запомни, это было под Вязьмой. И я командир этой роты, капитан Вяземский Константин Иванович. Ты думаешь, может, что это каламбур? Но не ищи этого, я действительно капитан Вяземский Константин Иванович, 1915 года рождения, имею три курса филологического факультета, педагогического института города Ленинграда и командир той роты, которая собиралась из отступающих, но не сдавшихся солдат, прошу восстановить их имена. Я верю, что списки моей роты хранятся где-то в архивах Красной Армии, ведь они бились, а не пропадали без вести. А теперь иди, я устал.

Заключительные слова привели меня в возбуждение, и я обратился к лечащему врачу. На что он ответил, что он не психолог, но это вероятно воспоминания из прошлого, которые были похоронены под толщей того сознания, которое под определенной социальной или психологической нагрузкой «спряталось» и сейчас под воздействием очередного шока «вырвались» наружу. Скорее всего, по мере выздоровления они уйдут обратно в подкорку, и он будет опять привычным вам дедом.

Обрадованный случившимся, я сообщил домой, что дед пришел в себя. Такой скорости передвижения от моей бабушки я не ожидал, не прошло и получаса, как она уже сидела рядом со мной. Но дед уже опять забылся на некоторое время.

Очнулся уже мой дедка. Я рад, что он прежний, но теперь мне придется искать прошлое капитана Вяземского Константина Ивановича, восстанавливать имена солдат, и вернуть их память родным, которые до сих ищут их и уж наверное оплакивают.

Почему он до сих пор числил себя старшиной пехоты, знать пока не могу, может, когда он надел ту гимнастерку, то в ней и находился военный билет того погибшего старшины, чью фамилию я с гордостью ношу, старшины той, пока безвестной роты...

Бабке говорить или не говорить, пока не знаю. Ведь могут найтись и его родные и возможно внуки, такие же внуки, как и я. Но подвиг капитана Вяземского и его роты они должны знать и помнить.

(события данного рассказа основываются как на реальных фактах, так и вымышленных).

Владимир Васильев